

Кантерев Н. Ф. Господство греков в Иерусалимском патриархате с первой половины XVII до половины XVIII века // Богословский вестник 1897. Т. 3. № 7. С. 27–43 (2-я пагин.). (Окончание.)

Господство грековъ въ іерусалимскомъ патріархатѣ съ первой половины XVI до половины XVIII вѣка.

(Окончаніе) ¹⁾

Патріархи греки неограничивались только тѣмъ, что возстановляли и возобновляли постройки въ св. мѣстахъ, но еще и расширяли спеціально греческія владѣнія и прежде всего на счетъ владѣній другихъ православныхъ народностей. Занявъ въ Іерусалимѣ мѣсто арабовъ, греки получили въ свое вѣдѣніе все то, чѣмъ ранѣе владѣли арабы. Но, какъ мы видѣли, въ святой землѣ были владѣнія и другихъ православныхъ народностей (грузинъ и сербовъ), которыя съ теченіемъ времени точно также переходятъ въ руки грековъ.

При господствѣ въ Палестинѣ египетскихъ султановъ особннымъ значеніемъ и силою въ Іерусалимѣ пользовались грузины, которые имѣли своего собственнаго епископа и нѣсколько своихъ богатыхъ монастырей. Со времени перехода Палестины во власть турокъ значеніе грузинъ здѣсь стало упадать и они постепенно утратили всѣ свои владѣнія. По свидѣтельству Досноея они сами добровольно подарили патріарху Ософану принадлежащую имъ половину монастыря св. Оеклы. А такъ какъ другая половина монастыря принадлежала коптамъ, то ее купилъ у нихъ патріархъ Паисій, а садъ и зданія, лежавшія выше монастыря, купилъ патріархъ Нектарій. Другой монастырь — Предтеченскій точно также подаренъ былъ самими грузинами греческимъ іерусалимскимъ патріархомъ. Но у грузинъ еще оставатось много другихъ монастырей въ разныхъ мѣстахъ: св. Ікреста, св. Николая, св. Василія, св. Θεодоровъ, св.

¹⁾ См. Б. В. Май

Анны и св. Георгія въ Еврандѣ. По объясненію Досиоея, вслѣдствіе дурного хозяйства и разныхъ будто бы злоупотребленій со стороны завѣдывавшихъ ими лицъ, грузинскіе монастыри впади въ большіе долги. Грузины метрополити не разъ пытались выкупить свои іерусалимскіе монастыри и не разъ посылали въ Іерусалимъ суммы, достаточныя для уплаты долговъ, но цѣли какъ-то не достигали: то посланный въ Іерусалимъ съ деньгами умиралъ дорогою и деньги пропадали, то посланныхъ грабили дорогою разбойники, то корабль, на которомъ ѣхали посланные, тонулъ въ морѣ, то посланный, вручивъ деньги кредиторамъ, будто бы не умѣлъ взять съ нихъ надлежащей росписки, такъ что кредиторы, получивъ деньги, снова ихъ требовали съ грузинъ. Въ виду такого положенія дѣлъ армяне и франки рѣшились заплатить монастырскіе долги съ тѣмъ, чтобы монастырь св. Креста перешелъ въ руки франковъ, а прочіе грузинскіе монастыри въ руки армянъ, такъ какъ не было уже надежды, чтобы сами грузины выплатили когда либо долги, лежащіе на ихъ монастыряхъ. „Тогда, рассказываетъ про себя Досиоей, призвавши на помощь Бога, рѣшились мы заплатить долгъ монастырей иверскихъ и часто по этому случаю писали въ Іверію“, откуда Досиоею обѣщались прислать нужныя на уплату долговъ деньги. Но такъ какъ этой присылки вскорѣ почему-то не состоялось, то въ 1681 году самъ Досиоей отправился въ Іверію за сборомъ милостыни. Собравши достаточную сумму, Досиоей къ концу того же года воротился назадъ и немедленно приступилъ къ операциі выкупа иверскихъ монастырей. Всѣхъ долговъ на нихъ числилось „94,000 гросій, но мы, замѣчаетъ Досиоей, отдали заимодавцамъ менѣе 50,000, потому что нѣкоторые изъ нихъ получили весь долгъ сполна, другіе болѣе половины, иные согласились взять половину, а нѣкоторые и менѣе половины“. Совершивъ благополучно эту сдѣлку, святогробцы немедленно приступили къ поправкѣ иверскихъ монастырей“, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ были ветхи и даже близки къ разрушенію. Черезъ годъ эти монастыри уже были поправлены, что обошлось въ 20,000 гросій ¹⁾).

1) Кв. XII, ст. 9, пар. 1. ст. 11, пар. 2.

Такимъ образомъ, иверскіе монастыри въ Палестинѣ, благодаря главнымъ образомъ собраннымъ въ Іверіи деньгамъ, окончательно и навсегда перешли въ руки грековъ святогробцевъ, которые сдѣлались ихъ единственными хозяевами и распорядителями.

Сербы, какъ мы видѣли, владѣли лаврою Саввы Освященнаго и въ самомъ Іерусалимѣ Архангельскимъ монастыремъ. Но при патріархѣ Теофанѣ они настолько задолжались, вслѣдствіе неразчетливаго веденія хозяйства, что продали все, что можно продать, а всего накопившагося на нихъ долга все-таки неуплатили. Тогда сербы будто бы оставили окончательно свои монастыри и разбѣжались, такъ что въ монастыряхъ ихъ не осталось ни одного человѣка. Въ виду этого латиняне задумали было овладѣть Архангельскимъ монастыремъ, который былъ отъ нихъ въ недалекомъ разстояніи, а армяне хотѣли завладѣть лаврою св. Саввы. Но патріархъ Теофанъ отдалъ заимодавцамъ 54,000 гросіи долгу, бывшаго на тѣхъ монастыряхъ, и получилъ ихъ въ свое полное владѣніе. Деньги на это Теофанъ добылъ такимъ образомъ: онъ отправился въ Молдавію къ воеводѣ Василю и въ первый же день по пріѣздѣ утромъ явился во дворецъ господаря. „Василій, рассказываетъ Досноей, вышелъ босыми ногами встрѣтить владыку, а сей подастъ ему веревку и говоритъ: Сынъ мой! удави меня, чтобъ не удавили меня турецкіе заимодавцы. И государь тотчасъ написалъ въ Константинополь къ чиновникамъ своимъ и они отдали заимодавцамъ долгъ св. Гроба—6000 венціанскихъ флориновъ. Не много спустя пріѣхалъ въ Яссы ага съ царскимъ повелѣніемъ взять патріарха за другіе 6,000 флориновъ, кои онъ былъ долженъ. Господарь заплатилъ и эти деньги“¹⁾).

Такимъ образомъ, лавра св. Саввы и монастырь Архангельскій въ Іерусалимѣ, которыми раиѣ владѣли сербы, благодаря денежному пособію молдавскаго воеводы, уже при п. Теофанѣ окончательно перешли въ руки грековъ. Впрочемъ лавра св. Саввы и послѣ пріобрѣтенія ея Теофаномъ долгое еще время оставалась въ заустѣніи. Во время Досноея „въ ней оставалась одна только церковь, а стѣнъ

1) Кн. XII, гл. I, пар. 9.

уже небыло и потому бродили тамъ овцы и козы арабовъ; да и въ самой церкви держали арабы овощи и быковъ своихъ, а жены ихъ входили въ монастырь и попирали его“. Лавра св. Саввы была вполне восстановлена только Досиоеемъ ¹⁾).

Такъ ловкіе и практичныя греки съумѣли съ теченіемъ времени не только окончательно закрѣпить за собою іерусалимскій патріаршій престолъ, всѣ архіерейскія каѳедры патріархата и заполнить собою святогробское братство, но и завладѣть тѣми св. мѣстами и монастырями, которыми ранѣе владѣли арабы, грузины и сербы, такъ что съ теченіемъ времени греки оказались единственными обладателями и распорядителями всѣхъ св. мѣстъ и учрежденій, какими только владѣли ранѣе православные.

Но въ Іерусалимѣ рядомъ съ православіемъ существовали и другія христіанскія исповѣданія, представители которыхъ, подобно православнымъ, владѣли извѣстными св. мѣстами, имѣли свои монастыри, извѣстныя права при св. Гробѣ и т. п. Потѣснить этихъ иновѣрцевъ, и на ихъ счетъ расширить права и владѣнія православныхъ, греки считали своею священною обязанностью.

Абиссинцы, пользуясь покровительствомъ владѣвшихъ Палестиною египетскихъ султановъ, получили отъ нихъ во владѣніе въ Іерусалимѣ „часть при святыхъ вратахъ св. Гроба на восточной сторонѣ, которая называется авраамовою. И имѣли они и другія зданія въ Іерусалимѣ, и при великой церкви св. Гроба принадлежали имъ колліи по южной сторонѣ святаго кувуклія и другія нѣкоторыя зданія. Много у нихъ было и утварь золотой и серебряной и златотканыхъ одеждъ“. Армяне сошлись съ ними, дали имъ подъ залогъ драгоцѣнностей небольшую сумму денегъ, учредили съ ними общій столъ и жилища и, передаетъ Досиоей, „одного за другимъ перетравили ихъ ядомъ“, и такъ какъ абиссинскій царь запретилъ являться въ Іерусалимъ новымъ монахамъ взамѣнъ умершихъ, то армяне, наконецъ, и остались полными обладателями всего, что ранѣе принадлежало абиссинцамъ. Но патріархъ Палсій отнесся къ этому дѣлу иначе. Онъ отправился въ Константинополь

¹⁾ Ки. ХІ, гл. 11, пар. 2.

и подалъ прошеніе султану, въ которомъ заявлялъ, что ранѣе абиссинцы „состояли подѣ вѣдѣніемъ грековъ и потому оставшееся послѣ нихъ имѣніе также должно перейти въ распоряженіе грековъ“. Султанъ собственноручною подписью велѣлъ исполнить просьбу Паисія, который немедленно съ султанскимъ указомъ возвращается назадъ, „и принимаетъ въ свое вѣдѣніе все принадлежавшее хампесіанамъ (абиссинцамъ) въ Іерусалимѣ и въ Виолеемѣ, монастырь ихъ и все, что имѣли они въ церкви св. Гроба, и лампы ихъ въ святомъ кувукліѣ и въ святомъ апокаоилосисѣ“. Армяне, конечно, употребили всѣ усилія отстоять тѣ владѣнія, какія имъ достались отъ абиссинцевъ и успѣли съ помощью денегъ завладѣть „монастыремъ св. Іакова, да въ Виолеемѣ воротами, садомъ и двумя домами“; но большая и важнѣйшая часть абиссинскихъ владѣній все-таки перешла въ руки грековъ, которые такимъ образомъ на счетъ абиссинцевъ увеличили въ Іерусалимѣ владѣнія православныхъ ¹⁾.

Рядомъ, такъ сказать, съ мелкими и слабыми иновѣрными общинами, какова абиссинская, въ Іерусалимѣ существовали и очень сильныя иновѣрныя общины, каковы армянская и римско-католическая, особенно сильна и могущественна была послѣдняя. Эти общины, подобно православнымъ, имѣли въ святой землѣ свои собственныя владѣнія и учрежденія, и, подобно грекамъ, стремились къ расширенію своихъ владѣній и правъ на счетъ другихъ исповѣданій и, въ частности, на счетъ православныхъ. Изстари православнымъ принадлежала въ Палестинѣ большая часть св. мѣсть, изстари имъ принадлежало и первенство при св. Гробѣ сравнительно съ другими христіанскими исповѣданіями. Пока Палестиной владѣли египетскіе султаны, православные арабы пользовались въ Іерусалимѣ господствующимъ положеніемъ, котораго никто у нихъ не оспаривалъ. Но положеніе дѣлъ сильно измѣнилось, когда въ началѣ XVI вѣка Палестиной овладѣли турки и правительственный центръ относительно Палестины изъ Египта перемѣстился въ Константинополь. Если эта политическая перемѣна въ судьбахъ Палестины вызвала и создала въ Іерусалимѣ господство грековъ въ томъ отно-

1) Кн. XII, гл. II, пар. 3 и 4.

шеніи, что передала въ ихъ руки весь іерусалимскій патриархатъ, всё св. мѣста и учрежденія, какими только ранѣе владѣли православные, со включеніемъ и первенства при св. Гробѣ; то эта же политическая перемѣна, съ другой стороны, послужила исходной точкой и для притязаній инославныхъ христіанскихъ общинъ, особенно католической, на расширеніе своихъ владѣній въ святой землѣ на счетъ православныхъ и ихъ попытокъ отнять у грековъ первенство при св. Гробѣ. Въ Константинополѣ находились всегда представители разныхъ западно-европейскихъ государей, которые съ теченіемъ времени пріобрѣтали при турецкомъ дворѣ все большую силу и значеніе. Представители особенно католическихъ государей, всегда не прочь были поддержать предъ турками притязанія и домогательства своихъ единовѣрцевъ въ Іерусалимѣ, благодаря чему католики быстро начали усиливаться въ св. землѣ и начали здѣсь вѣковую борьбу съ греками изъ за обладанія тѣми или другими св. мѣстами, изъ-за первенства при св. Гробѣ. Эта борьба съ сильными, вліятельными и часто неразборчивыми на средства латинскими мопахами (особенно францисканцами) началась уже съ перваго грека патриарха Германа и продолжалась почти непрерывно при всѣхъ его преемникахъ, то по временамъ стихая, то снова усиливаясь, но никогда окончательно не прекращаясь. Обѣ враждующія стороны постоянно стояли другъ противъ друга во всеоружіи, внимательно наблюдали каждый шагъ противника и при первой его оплошности, при малѣйшемъ измѣненіи политическихъ обстоятельствъ въ свою пользу, немедленно начинали атаку на противника, пуская въ ходъ всё позволительныя и непозволительныя средства, начиная съ ходатайствъ и домогательствъ иностранныхъ пословъ предъ турецкимъ правительствомъ, и кончая обычными подкупами турецкихъ чиновниковъ какъ самыхъ высшихъ, такъ и самыхъ низшихъ, дѣйствовавшихъ на мѣстѣ. Борьба эта, начавшись въ Іерусалимѣ предъ мѣстными властями, обыкновенно, велась потомъ въ Константинополѣ предъ тамошнимъ высшимъ турецкамъ судомъ, и велась съ перемѣннымъ счастьемъ: то латиняне успѣютъ что-нибудь отнять у грековъ, то греки опять успѣютъ возвратить себѣ потерянное и при этомъ даже прихватить что-нибудь и латинское. Всегда въ выиг-

рышѣ отъ этихъ безконечныхъ процессовъ были одни только турецкіе чиповники, которые усиленно брали взятки и съ той и съ другой борющейся стороны. Борьба съ латинами, съ которыми иногда заодно дѣйствовали и сильные своимъ богатствомъ армяне, потребовала отъ грековъ всей ихъ практической ловкости и умѣнья, всего напряженія ихъ силъ и энергіи, всей ихъ стойкости и цѣпкости въ виду разъ занятой выгодной позиціи, чтобы не быть окончательно побѣжденными своими сильными противниками, за которыхъ нерѣдко хлопотали соединенныя силы всѣхъ католическихъ, а иногда и протестантскихъ пословъ при турецкомъ дворѣ. И нужно отдать честь грекамъ. Если они взяли въ свое исключительное владѣніе всѣ святыя мѣста, когда-либо принадлежащія православнымъ, то они и сдумѣли постоять за нихъ, какъ едва ли сдумѣлъ бы при такихъ обстоятельствахъ постоять за нихъ какой-либо другой православный народъ. За каждую пядь земли, за каждый вершокъ той или другой священной постройки, за каждый ея камень они всегда готовы были бороться съ своими противниками буквально на жизнь и смерть. Разъ проигравъ дѣло, они не падали духомъ, но при благопріятныхъ обстоятельствахъ начинали его снова и снова, не желая ничѣмъ, даже малѣйшимъ и повидимому самымъ ничтожнымъ, поступиться въ пользу противника. И только благодаря именно ихъ стойкости и выдающейся практической ловкости въ веденіи дѣлъ, значительная часть святыхъ мѣстъ въ Палестинѣ и доселѣ находится въ рукахъ православныхъ, а не перешла, какъ бы можно было ожидать, въ руки инославныхъ.

Во время борьбы страсти иногда разгорались до того, что самой жизни энергичныхъ патріарховъ угрожала серьезная опасность. Когда Теофанъ, по приговору Іерусалимскаго судьи, отнялъ у католиковъ св. Пещеру и Голгоеу, которыми они незаконно было завладѣли, тогда католики подкупили іерусалимскаго пашу, который заключилъ Теофана въ городскую тюрьму и ходатайствовалъ предъ кадіемъ (судьею), чтобы умертвить Теофана „по судья, рассказываетъ Досноей, отвергъ его предложеніе, освободилъ патріарха изъ-подъ стражи и отпустилъ его въ свою келью. Впрочемъ, патріархъ жилъ скрытно и въ іюль мѣсяцѣ (1629 г.), когда бываетъ праздникъ въ обителѣ св. Іліи, находящейся

между Иерусалимомъ и Виелеемомъ, вышелъ изъ Иерусалима съ женщинами въ женскомъ одѣяніи; а изъ обители св. Иліи вышелъ ночью и отправился въ Акру“. Иерусалимскій паша, узнавъ объ этомъ, приказалъ мѣстному правителю убить патріарха и получить за это предложенныя латинянами деньги. Къ счастью Теофана внухъ, получившій отъ правителя порученіе убить патріарха, ранѣе былъ христіаниномъ и потому, получивши отъ Теофана сто золотыхъ, отпустилъ его съ миромъ, и Теофанъ поспѣшилъ отправиться въ Константинополь ¹⁾. Про себя Досиоей рассказываетъ, что во время перестройки имъ виелеемской церкви его хотѣли убить виелеемляне за перенесеніе ихъ гробницъ въ другое мѣсто, „но ничего не могли сдѣлать, потому что мы уѣхали на лошадахъ и скрылись“. Въ другой разъ, когда Досиоею случилось, послѣ смерти Нектарія, отправиться изъ Иерусалима въ Константинополь, латиняне подговорили нѣкоторыхъ лицъ убить его на дорогѣ, но онъ избѣгъ опасности пересодѣвшись въ турецкое платье ¹⁾.

Нельзя не признать того, что борьба патріарховъ грековъ съ иновѣрными христіанскими общинами въ Иерусалимѣ изъ за св. мѣсть облегчалась отчасти самимъ центральнымъ турецкимъ правительствомъ, которое признавало историческія права православныхъ на первенство и преобладаніе въ св. землѣ и видѣло въ грекахъ своихъ подданныхъ, а въ „франкахъ“ иностранцевъ, можетъ быть даже небезопасныхъ для спокойствія Палестины, если дать имъ тамъ чрезмѣрно усилиться. Но съ другой стороны турки при случаѣ не прочь были, если это было выгодно въ какомъ либо отношеніи для нихъ, пожертвовать правами и интересами православныхъ въ Палестинѣ въ пользу нужныхъ имъ въ данное время франковъ. Что же касается мѣстныхъ турецкихъ іерусалимскихъ властей, то они всегда готовы были притѣснять православныхъ, лишь бы отъ этого могли получить для себя какую либо личную пользу и выгоду. Въ этомъ отношеніи особенно печальную память по себѣ оставилъ правитель Иерусалима по имени Веллесъ, бывший во времена патріарха Паисія. По словамъ Досиоея,

¹⁾ Кн. XII, гл. I, пар. 3.

„это былъ человѣкъ жестокой и безразсудный“, онъ, „истязывая у монашествующихъ деньги, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ повѣсилъ въ соборной палатѣ патріаршескаго дома; въ пьяномъ видѣ вошелъ въ церковь св. Константина, и взявши кадила, началъ кадить. А вино онъ пилъ безъ всякаго опасенія и открыто, совершенно безъ сгуда“. Отцы стали разбѣгаться изъ Іерусалима“. Нѣкоторые хотѣли было въ окно патріарха дома спустить нѣсколько ящиковъ съ церковною утварью, чтобы скрыть ее внутри св. Гроба. Но веревки порвались, ящики упали и разбились; разбилось и церковной утвари около двухсотъ самыхъ лучшихъ вещей, въ числѣ которыхъ были серебряные ковчеги и кадила, превосходные кресты и другія замѣчательныя вещи. Между тѣмъ мучитель Веллесъ схватилъ еще одного еврея, предаль его невинно смерти и захватилъ себѣ все его имущество; а у еврея было въ залогѣ нѣсколько ящиковъ съ драгоценностями св. Гроба за деньги, какія онъ давалъ въ заемъ св. Гробу. Такимъ образомъ, Веллесъ захватилъ себѣ и сіи драгоценности и истребилъ ихъ, такъ что и доселѣ нѣтъ уже ихъ при св. Гробѣ. Убивая и другихъ людей, тѣла ихъ Веллесъ бросалъ предъ вратами монастырей и тѣмъ вынуждалъ съ нихъ большія суммы“ ¹⁾. Бывали и такіе случаи, что іерусалимскіе паши насильно навязывали монастырямъ поддѣльныя фальшивыя деньги, а потомъ вмѣсто нихъ взыскивали съ монастырей настоящія ²⁾. Иногда же турецкіе чиновники по какому либо поводу привязывались даже къ самимъ патріархамъ, чтобы получить съ нихъ крупную взятку. Вотъ характерный случай съ патріархомъ Паисіемъ.

У патріарха Паисія была митра, привезенная имъ изъ Москвы, и украшенная драгоценными камнями. Одинъ еврей предложилъ ему передѣлать митру по византійскому образцу и тѣмъ придать ей болѣе красивый видъ. Паисій согласился и митра была передѣлана. Тогда враги Паисія донесли константинопольскому правителю (дѣло происходило въ Константинополѣ, когда турецкій дворъ находился въ Адрианополѣ), что будто Паисій сдѣлалъ драгоценную корону для

¹⁾ Кн. XII, гл. II, пар. 16.

²⁾ Кн. XII, гл. II, пар. 3.

московскаго царя. Правитель призвалъ къ себѣ патріарха вмѣстѣ съ евреемъ и спрашиваетъ его: „зачѣмъ ты злоумышляешь противъ государства?“ Патріархъ отвѣчалъ: „самъ по себѣ ты говоришь, что я злоумышляю противъ государства, или другія свидѣтельствуютъ тебѣ на меня въ этомъ?“ По правитель не сталъ объясняться, а бросилъ Паисія вмѣстѣ съ евреемъ въ яму, назначенную для убійць, и послѣ трехъ дней перевелъ его въ тюрьму, назначенную для должниковъ, имѣя въ виду получить съ него хорошую взятку и отпустить. Хотѣлъ онъ, ради взятки, запутать въ это дѣло и другихъ начальствующихъ христіанъ въ Константинополь“. Но добрый архиепископъ лучше самъ хотѣлъ подвергнуться смерти, нежели быть причиною какого-либо несчастія для начальствующихъ (конечно, христіанъ), и мужественно переносилъ мученія“. Когда правитель увидалъ, что съ Паисіемъ получить взятку трудно, то опасаясь со стороны христіанъ жалобы султану, послалъ въ Адрианополь къ визирю и злополучную митру и доносъ на злоумышленіе Паисія. Но нѣкоторые отцы св. Гроба уже ранѣе отпраздновали въ Адрианополь и изложили все дѣло визирю Кіопрулу, который вообще доброжелательно относился къ христіанамъ (его мать была христіанка), обѣщавъ помочь имъ и въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, правитель Константинополя приказалъ ночью вывести патріарха и еврея изъ темницы; послѣдняго поволокли пѣшаго, „а патріарха посадили на лошадь, на которой было такого рода сѣдло, какія падѣваютъ на лошадей, возящихъ большія тяжести, или верблюжье, не давъ ему держаться за узду, а отдали ее въ руки палачей, которые и поволокли его“. Лошадь, на которой повезли патріарха, „была вся избитая, безсильная“, она постоянно спотыкалась то въ ту, то въ другую сторону, причиняя патріарху страшныя мученія, такъ какъ съ колѣнь его скоро сошла вся кожа. На пути Паисію объявлено было, что его велѣно повѣсить вмѣстѣ съ евреемъ“. Тогда іудейскіе началъ рыдать, а Паисій такъ былъ спокоенъ, что смотря на него подумали бы, что онъ поконитъ на своемъ ложѣ“. Начальникъ палачей съ угрозами сталъ требовать отъ Паисія денегъ, говоря: „человѣкъ! пощади свою жизнь, вотъ ты близокъ къ смерти; скажи же, что обѣщаешь проконсулу (т. е. начальнику Константинополя), чтобы избѣжать тебѣ смерти“.

Патріархъ въ отвѣтъ имъ: „ничего не обѣщаю, ничего не даю, дѣлайте что хотите“. Тогда приближалъ посланный отъ правителя и сказалъ начальнику палачей: Ага! Проконсулъ велѣлъ повѣсить обоихъ, т. е. патріарха и іудейнина на пармаккапи, т. е. на рѣшетчатой двери. И когда приблизились къ пармаккапи, то, ни мало не медля, навязали на выю патріарха веревку и поставили посреди двери. Тотъ, который хотѣлъ тянуть веревку, взошелъ уже на дверь, а патріархъ стоялъ и смотрѣлъ на небо, молясь о спасеніи. И когда начальникъ палачей сталъ говорить патріарху: что дашь пашѣ? то патріархъ молчалъ, готовясь къ смерти, а іудейнинъ, отчаявшись въ своей жизни, горько рыдалъ. Но тогда прибылъ еще посланный и говоритъ: Ага! не вѣшай его, т. е. патріарха, а въ акъ-сарагій посади его, такъ какъ онъ подозрѣвается въ воровствѣ“. Патріарха привели къ тюрьмѣ, „надѣвши оковы на его ноги, которыя такъ тогда распухли, что отъ опухоли не было на нихъ и вида, и продѣвши палку между ногами его, кои связывала цѣпь оковъ, потащили его вокругъ дома (тюрьмы) и спрашивали: что обѣщаешь пашѣ? Патріархъ отъ сильной боли кричалъ и жаловался на своихъ мучителей. Но когда увидѣли его непреклонность, то перестали его мучить“. На другой день Паисій отдавъ былъ на поруки и поселенъ былъ въ домѣ своего поручителя. Тѣмъ временемъ въ Адрианополѣ произошло у муфтія судебное разбирательство по обвиненію Паисія въ измѣнѣ и онъ былъ оправданъ. Но такъ какъ слухъ о коронѣ повсюду распространился и могъ дойти до султана, то визирь, взявъ съ собою корону, отправился къ султану и рассказалъ ему все дѣло, замѣтивъ, что когда онъ, визирь, ѣздилъ изъ Дамаска въ Іерусалимъ на поклоненіе, то видѣлъ тамъ шесть другихъ митръ, которыя были пожалованы патріархамъ прежними султанами“. Султанъ, смотря на красоту принесенной къ нему митры, на двѣнадцать башенокъ вокругъ ея, на ея изящную форму, пришелъ въ удивленіе, и, надѣвъ ее на голову одного хампесіянина, воскликнулъ: „чудное украшеніе! И такъ какъ жаловали его патріархамъ мои предки, то жалую имъ и я, и повелѣваю отдать патріарху и быть ему свободнымъ“. Этотъ приказъ султана немедленно былъ приведенъ въ исполненіе ¹⁾.

¹⁾ Кн. XII, гл. II, пар. 6—8.

Притѣсненія со стороны турокъ іерусалимскимъ патріархамъ были, впрочемъ, явленіемъ сравнительно рѣдкимъ и даже исключительнымъ, такъ какъ въ общемъ патріархи всегда умѣли ладить съ турками, и съ помощію знакомствъ, связей и взятокъ даже привлекали ихъ на сторону своихъ интересовъ. Труднѣе патріархамъ было бороться съ внутренними нестроеніями: съ безпорядками въ святогробскомъ братствѣ, члены котораго, не отличаясь какими-либо выдающимися умственными и нравственными качествами, представляли изъ себя однако такую крупную мѣстную силу, которая была способна противодѣйствовать и дѣйствительно противодѣйствовала самимъ патріархамъ, стѣсняя, а иногда и прямо парализуя ихъ самоотверженную плодотворную дѣятельность. Въ одномъ мѣстѣ своей исторіи патріарховъ іерусалимскихъ Досиѳей съ горечью говоритъ, „что живущіе при патріаршемъ домѣ монахи, будучи необразованы и горды, худымъ своимъ управленіемъ и безпорядками причиняютъ сему святому дому множество убытковъ и потерь“. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что св. Гробу пришлось потерпѣть значительный убытокъ „отъ безпечности нашихъ, отъ несогласій ихъ, зависти и распрей между собою“. Патріархъ Нектарій принужденъ былъ отказаться отъ патріаршаго престола не только по причинѣ своей болѣзненности, но и потому, „что приводилъ себѣ на память недовольныхъ своимъ состояніемъ и самолюбивыхъ монаховъ“¹⁾. Какъ иногда святогробскіе отцы относились къ своимъ патріархамъ видно изъ слѣдующихъ случаевъ. Когда патріархъ Паисій получилъ султанскій указъ о передачѣ православнымъ всѣхъ бывшихъ въ Палестинѣ владѣній абиссинцевъ, и въ Іерусалимъ съ этою цѣлію прибылъ турецкій чиновникъ, тогда намѣстникъ святаго Гроба „беззаконный Аноимъ, родомъ изъ Сикуртъ, дерзкій и гнѣвный какъ Ахиллесъ, и снѣдаемый завистію къ патріарху, пошелъ и сломалъ печати при церкви св. Іоанна, которая находилась внѣ святыхъ вратъ, и отдалъ ее армянамъ, равно какъ и четыре кельи при святыхъ вратахъ; также и монастырь св. Іакова воспрепятствовалъ грекамъ взять въ свое распоряженіе, почему онъ и остался за армянами! Паисій однако

¹⁾ Книга XII, гл. III, пар. 6; гл. IX, пар. 6.

снова было выхлопотать приказъ о передачѣ грекамъ монастыря св. Іакова, „но проклятый Аноимъ, по закоренѣлой враждѣ къ патріарху, пошелъ къ судѣ и сказалъ ему, что монастырь принадлежитъ армянамъ и потому пусть они имъ и владѣютъ. И такимъ образомъ армяне опять завладѣли монастыремъ св. Іакова, да въ Виолсеѣмъ воротами, садомъ и двумя домами, принадлежавшими хампесіянамъ, и владѣютъ даже и понынѣ“. Это обстоятельство такъ сильно огорчило патріарха Паисія, что онъ никогда не могъ простить Аноима, и умирая говорилъ: „кто изъ вѣрныхъ какъ не согрѣшилъ, молю Бога даровать имъ отпущеніе грѣховъ, но кто коварно былъ виновникомъ того, что монастырь св. Іакова отданъ армянамъ, тотъ, какъ сообщникъ еретиковъ, да будетъ осужденъ на вѣчное проклятіе“.— Другой случай съ тѣмъ же патріархомъ Паисіемъ. При смерти Паисія присутствовали между прочимъ въ качествѣ сопровождавшихъ его лицъ (Паисій умеръ во время пути) два ему подчиненные чловѣка—Лидда и Прохоръ, изъ которыхъ послѣдній сдѣлался потомъ епископомъ назаретскимъ, а потомъ и патріархомъ александрійскимъ. Объ нихъ Досиеей замѣчаетъ: „сіи злоязычные и дерзкіе люди (когда умеръ Паисій) начали хулить блаженнаго подвижника, поносить жизнь его и смерть ¹⁾“.

Понятно отсюда, какъ тяжело и трудно было подчасъ іерусалимскимъ патріархамъ правильно и съ пользою вести сложныя и запутанныя дѣла патріархіи, когда даже ихъ ближайшія лица—члены святогробскаго братства иногда открыто противодѣйствовали имъ въ ихъ благой дѣятельности, порицали и хулили ихъ, по своему невѣжеству, зависти и дерзости, вносили смуту и безпорядки во всю жизнь патріархіи. Но мудрые энергичные архипастыри мужественно преодолевали всѣ эти невзгоды, преодолевали всѣ препятствія и неуклонно шли по разъ принятому пути. Только въ одномъ отношеніи ихъ несомнѣнно высоко плодотворная дѣятельность для всего православія имѣла свою, такъ сказать, тѣневую сторону.

Занятые постоянною заботою о сохраненіи и поддержаніи св. мѣстъ, постоянною борьбою съ инославными общи-

¹⁾ Кн. XII, гл. II, пар. 4 и 17, 19 и 20.

нами, приобрѣтеніемъ необходимыхъ средствъ, іерусалимскіе патріархи естественно мало могли удѣлять времени и специальныхъ заботъ и средствъ на удовлетвореніе духовно-религіозныхъ нуждъ своей палестинской паствы, тѣмъ бо лѣе, что имъ почти вовсе не приходилось жить въ Іерусалимѣ. Мѣстомъ постоянного пребыванія іерусалимскихъ патріарховъ сдѣлались или Константинополь, гдѣ они имѣли свое собственное подворье и находились вблизи турецкаго правительства, что давало имъ возможность слѣдить за каждымъ шагомъ своихъ противниковъ, или въ Молдо-Влахіи, гдѣ у нихъ были свои богатые монастыри и земли, дававшія большіе доходы св. Гробу. Здѣсь въ Константинополѣ, а иногда и въ Молдо-Влахіи, они обыкновенно избирались и ставились въ патріархи, отсюда они предпринимали свои путешествія въ православныя страны для сбора милостыни, здѣсь они находились вблизи своихъ покровителей и милостивцевъ, какъ молдовлахійскихъ воеводъ, такъ и тѣхъ грековъ, которые были вліятельны при портѣ, здѣсь же они обыкновенно умирали и хоронились. Только изрѣдка, и то на короткое время, патріархи появлялись въ Іерусалимѣ и немедленно опять и надолго оставляли его: Досиѳеѣй, напримѣръ, не былъ въ Іерусалимѣ цѣлыя послѣднія 18 лѣтъ своего патріаршества, хотя на это и были особыя причины. Понятно, что подобный порядокъ дѣлъ былъ очень ненормаленъ: іерусалимскіе патріархи избирались изъ пришлыхъ грековъ и слѣдовательно по своему происхожденію они были чужими православной туземной паствѣ, которая ихъ ранѣе иногда совсѣмъ не знала, какъ и оип ея. Постоянная жизнь въ Іерусалимѣ, конечно, дала бы возможность и пришлому человѣку съ теченіемъ времени изучить свою паству, познакомиться и сжитья съ ея интересами, но патріархи бывали въ Іерусалимѣ очень рѣдко и притомъ почти всегда на самое короткое время, почему и не могло образоваться какой либо тѣсной нравственной связи между верховнымъ архипастыремъ и паствою. Для послѣдней патріархъ всегда оставался какъ бы чужимъ, стороннимъ человѣкомъ, далекимъ отъ ея жизни и интересовъ. Предоставленная самой себѣ, не находя въ своихъ патріархахъ должной поддержки и руководства, туземная православная паства іерусалимскаго патріархата необходимо коснѣла въ

невѣжествѣ и потому становилась легкою добычею иновѣрной пропаганды. Эту ненормальность въ отношеніяхъ іерусалимскихъ патріарховъ къ мѣстной паствѣ хорошо понималъ и созвавалъ Досиѳей, который, разсуждая о дѣятельности францисканцевъ въ Палестинѣ, замѣчаетъ: „такъ какъ по проискамъ францисканцевъ патріаршескій домъ постоянно находится въ самыхъ тяжелыхъ долгахъ, то патріархъ не можетъ, какъ слѣдуетъ, пепись о подчиненныхъ ему православныхъ. Отъ этого многіе сдѣлались отступниками, хотя Божественный промыслъ, замѣчаетъ угѣшая себя Досиѳей, вопреки нечестію францискановъ, взамѣнъ отторженныхъ и обольщенныхъ ими въ Палестинѣ, безчисленное множество народовъ и городовъ утверждаетъ въ православной вѣрѣ чрезъ путешествія патріарховъ іерусалимскихъ. Ибо гдѣ они ни бывають, первое ихъ занятіе—проповѣдь евангельская безъ всякаго своекорыстія, наученіе христіанъ благимъ правамъ, утвержденіе ихъ въ православіи, обличеніе еретиковъ и вообще трудъ ихъ—общее благо православной церкви ¹⁾“. Правда, нѣкоторые іерусалимскіе патріархи заботились даже объ устройствѣ училищъ. Такъ Досиѳей свидѣтельствуетъ, что патріархъ Нектарій, „пришедши въ Константинополь побудилъ боголюбиваго мужа Монолака Касторіана учредить училища—одно въ Константинополѣ, другое въ Хіосѣ и третье въ Артѣ ²⁾“; но эти училища, учрежденныя Нектаріемъ, не имѣли никакого прямого отношенія къ мѣстной іерусалимской паствѣ, не для ся просвѣщенія оиѣ были основаны. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что нѣсколько равнодушное отношеніе іерусалимскихъ патріарховъ къ духовно-религіознымъ нуждамъ своей мѣстной паствы, объясняется не только тѣмъ, что патріархи греки, всецѣло поглощаемые заботами о сохраненіи въ рукахъ православныхъ самыхъ св. мѣстъ и зданій, упустили изъ вниманія заботу о сохраненіи въ православіи душъ своихъ пасомыхъ, но и чрезвычайною сложностію и трудностію ихъ обязанностей и служенія, особенно среди враждебныхъ имъ мусульманъ, иновѣрцевъ и собственныхъ распущенныхъ монаховъ.

Патріархи греки, какъ мы видѣли, получили наслѣдство

¹⁾ Кн. VII, гл. I, пар. 2

²⁾ Кн. XI, гл. XI, пар. 4.

отъ патріарховъ арабовъ матеріально въ самомъ разстроенномъ видѣ, іерусалимская патріархія была крайне бѣдна и не имѣла никакихъ средствъ даже для заведенія сколько-нибудь благолѣпной церковной утвари. для поправки хотя бы важнѣйшихъ зданій св. мѣстъ. Но какъ скоро власть перешла въ руки патріарховъ грековъ, немедленно явилась и драгоценная церковная утварь, и деньги для поддержки, перестройки и возобновленія ветхихъ и разрушившихся зданій, явились достаточныя суммы для выкупа и перестройки грузинскихъ и сербскихъ монастырей, и особенно крупныя суммы для веденія борьбы предъ турецкимъ правительствомъ съ католиками и армянами. Денегъ на все это требовалось конечно много и даже очень много; но патріархи греки всегда умѣли ихъ найти благодаря тому особому значенію, какое св. земля имѣетъ въ православномъ мірѣ.

Святая земля есть колыбель всего христіанства, мѣсто святое и одинаково дорогое рѣшительно для всѣхъ православныхъ, къ какому бы народу они ни принадлежали; ея значеніе не мѣстное, по общехристіанское и, частію, общеправославное, чѣмъ православный іерусалимскій патріархъ рѣзко выдѣляется изъ другихъ православныхъ патріархатовъ. Обязанность поддерживать св. Гробъ и всѣ другія св. мѣста лежитъ не на грекахъ только или православныхъ туземцахъ Палестины, а рѣшительно на всѣхъ православныхъ народностяхъ безъ всякихъ исключеній. греки же являются только представителями и, такъ сказать, уполномоченными ихъ при св. Гробѣ. Греки ближайшимъ образомъ обязаны поддерживать и охранять св. мѣста, а всѣ другія православныя народности должны и обязаны оказывать бѣдному самому по себѣ іерусалимскому патріархату матеріальную и денежную помощь, которая дастъ возможность патріархамъ грекамъ, съ одной стороны, поддерживать св. мѣста въ надлежащемъ порядкѣ, съ другой — успѣшно вести борьбу съ сильными и богатыми иновѣрными общинами въ Іерусалимѣ. Такъ повивъ и такъ поставивъ дѣло патріархи греки, начиная уже съ Германа, „начали ѣздить какъ скитальцы ночью и днемъ, кружа по землѣ и по морю, и всегда терия безпокойство отъ зноя дневнаго и холода ночнаго“ ¹⁾, съ тѣмъ, чтобы всюду, гдѣ только жили

¹⁾ Кн. XII, гл. I, пар. 2.

православные, собирать съ нихъ милостыню на поддержаніе св. мѣсть. Благодаря неусыпнымъ трудамъ и стараніямъ патріарховъ грековъ въ этомъ направленіи, въ Іерусалимѣ дѣйствительно скоро стала притекать съ разныхъ концовъ православнаго міра болѣе или менѣе щедрая милостыня, которая съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивалась, такъ что іерусалимскій патріархатъ скоро изъ бѣднаго превратился въ самый богатый въ ряду другихъ восточныхъ патріархатовъ.

„Кружа по землѣ и по морю“ для сбора милостыни со всѣхъ православныхъ народовъ, патріархи-греки естественно обратили свое вниманіе и на православное Московское царство, постарались и его привлечь къ дачѣ посильной милостыни на св. Гробъ. Первый патріархъ изъ грековъ—Германъ, первый и завязалъ прямыя сношенія съ русскимъ правительствомъ, которыя, начавшись при Іоаннѣ Грозномъ, непрерывно продолжаются и въ настоящее время.

Н. Кантеревъ.

